

которые, вмѣсто почетный, счетъ, въ чемъ, черный, пишутъ: почотный, счотъ, въ чомъ, чорный,—и правы ли тѣ, которые нападаютъ на нихъ, какъ это дѣлаетъ фельетонистъ «Сѣверной Пчелы». Васильевъ не согласенъ ни съ той, ни съ другой стороной. Онъ говоритъ, что наши грамматисты, Востоковъ и Гречъ, ошибаются, утверждая, будто бы буква *ѣ* не можетъ слѣдовать за зубными буквами *ж*, *ч*, *ш*, *щ*, или по крайней мѣрѣ произносится послѣ нихъ не какъ *ѣ*, но какъ *о*; но что если внимательно прислушаться къ произношенію словъ: *счесть* и *счотъ*, *щетка* и *щотка*, *желтый* и *желтый*, то нельзя не увѣриться, что слова эти, при звукахъ *ѣ* и *о*, совсѣмъ не одинаково произносятся, и что, слѣдовательно, должно писать въ этихъ словахъ не *о*, а *е*. Съ другой стороны, онъ не согласенъ съ доводами фельетониста «Сѣверной Пчелы», который въ употребленіи буквы *о* въ помянутыхъ словахъ видитъ нарушение искони соблюдавшагося правила. Васильевъ справедливо замѣчаетъ, что искони писали: *оскверненіи*, *отпешія*, *продающымъ*, *идушымъ*, *россійстии*, *распешіи*, *денми*; и что «Библиотека для Чтенія» слѣдуетъ коренной, древней, хотя и неправильной привычкѣ русскаго народа, утвержденной вѣками, употребляя дательный падежъ вмѣсто родительнаго, между тѣмъ какъ фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» нападаетъ же за это на «Библиотеку для Чтенія».

Спорныя буквы *е* и *о* суть бѣглыя, т. е. такія, которыя то исчезаютъ, то опять появляются въ словѣ, какъ, напримѣръ: *ледъ*, *льда*, *орелъ*, *орла*, *близкій*, *близокъ*. Павскій говоритъ, что когда надъ этими буквами должно стоять удареніе, то ихъ должно употреблять по правиламъ сочетаемости буквъ, т. е. *о* ставить послѣ согласныхъ тупыхъ, а *е*—послѣ согласныхъ острыхъ. Васильевъ, напротивъ, утверждаетъ, что бѣглая гласная, находясь между двумя согласными и имѣя на себѣ удареніе, должна угождать обѣимъ,—такъ что если послѣднія въ словѣ требуютъ предъ собой *е*, а предыдущія *о*,—то такъ какъ обѣихъ поставить нельзя, должно неставить среднюю между *о* и *е*, т. е. *ѣ*. Основываясь на этомъ правилѣ, Васильевъ положительно утверждаетъ, что слова: *дружекъ*, *лужекъ*, *мужичекъ*, *колпачекъ*, *кружекъ*, и т. д. должно писать черезъ *е*, а не черезъ *о*.

Прекрасно! Но что же дѣлать съ выговоромъ-то и употребленіемъ? Что ни говорите, а далеко не во всѣхъ словахъ звукъ *ѣ* отличается въ произношеніи отъ *о*. Въ словѣ *желтый* не слышно никакого *ѣ*, а слышно одно чистое *о*; то же должно сказать о словѣ *хорошо*, которое, какъ усѣченіе слова *хорошее*, должно бы и писаться: *хороше*,

а произноситься *хорошѣ*; но—вопреки правилу, по прихоти употребленія, ни то, ни другое невозможно,—поэтому оно и пишется, и говорится *хорошо*, а не *хорошѣ*. Мы согласны, что въ словахъ: «*щетка*, *счесть*, въ чемъ, *черный*, *щеголь*» слышится звукъ болѣе похожій на *ѣ*, нежели на *о*, и что, слѣдовательно, нелѣпо для слуха и безобразно для глазъ писать *щотка*, *счотъ*, въ *чомъ*, *чорный*, *щолокъ*, *щоголь*. Но такъ же точно, сколько ни прислушивайтесь къ словамъ: «*лицо*, *крыльцо*, *яйцо*, *кольцо*, *слово*, *желтый*, *шорохъ*, *шопотъ*, *кружокъ*, *лужокъ*, *отцомъ*»—а, воля ваша, звука *ѣ* въ нихъ вы не услышите; если же и услышите, то вамъ трудно будетъ выговаривать эти слова, и этотъ звукъ оскорбитъ вашъ слухъ,—слѣдственно, нелѣпо для слуха и безобразно для глазъ писать: *лице*, *крыльце*, *яйце*, *кольце*, *желтый*, *шепотъ*, *кружекъ*, *лужекъ*, *отцемъ*. Въ первомъ случаѣ буква *о*, какъ говорится, деретъ глаза; во второмъ то же дѣйствіе производитъ буква *е*. Согласны: правило Васильева вѣрно, да та бѣда, что употребленіе попортило его цѣлостъ, такъ что теперь, избѣгая педантизма, который иногда бываетъ хуже невѣжества, необходимо уступить деспотической волѣ употребленія, и изъ одного стараго правила слѣлать два, т. е. помириться на серединѣ: съ буквами *щ* и *ч* писать *е*, а съ буквами *ж* и *ш* писать *о*. Возьмите слово: *плече*,—и произнесите въ концѣ острое *ѣ*: вы выговорите его такъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ выговаривается, слѣдовательно, нѣтъ никакой нужды нарушить общаго правила и писать *о* (плечо); но въ словѣ *лицо*, какъ ни старайтесь выговаривать *ѣ*, не выговорите, а если выговорите, вамъ самимъ будетъ смѣшно своего усилія, равно какъ и звукъ, который вымучите вы изъ своихъ губъ. Остановимся на серединѣ, избѣгая равно и педантизма, и произвольности: обѣ крайности равно нехороши. Что жъ дѣлать, если духъ новаго русскаго языка часто бываетъ въ противорѣчій съ духомъ стараго русскаго языка, и если всѣ акустическія и орфографическія преданія разорваны такъ, что иногда и слѣдовъ нельзя отыскать? Тутъ остается только покориться необходимости.

Мы не обратили бы особеннаго вниманія на брошюрку Васильева, если бъ въ ней было связано только то, въ чемъ мы съ ней не согласились. Нѣтъ, въ ней, кромѣ этого, много дѣльнаго и интереснаго, какъ, напримѣръ, критика мнѣній разныхъ грамматистовъ и изслѣдованіе, въ какихъ случаяхъ буква *е* выговаривается какъ *ѣ*. Последнее изслѣдованіе стоило автору большихъ трудовъ: чтобъ повѣрить справедливость своихъ выводовъ, онъ долженъ былъ перечесть весь